

© М. Н. Чистанов, С. С. Чистанова, Т. Маслова, И. С. Кудряшов

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.10)

УДК 101+930

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»*

М. Н. Чистанов, С. С. Чистанова (Абакан, Россия), Т. Маслова (Далонег, Джорджия, США),
И. С. Кудряшов (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Констатируя трудности в политике мультикультурализма, авторы выявляют слабые места моделей этнокультурной идентичности, господствовавших в социальных исследованиях последние несколько десятилетий, но одновременно с этим указывают на возможные теоретические ограничения альтернативных моделей межкультурного взаимодействия, построенных на других онтологических принципах.

Методология. Методология исследования базируется на идеях нового постмультикультурного подхода к анализу взаимодействия культур, реализующего описательную, объяснительную и прогнозирующую функции социального знания на базе методологии системного, деятельностного и культурно-исторического подходов в современных условиях. Методическую базу исследования составляют методы феноменологического описания, интерпретации, сопоставления, проблемного и сравнительного анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей в сфере этнокультурной идентичности.

Результаты. Анализируется эволюция представлений о природе этнической идентичности и способах разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов. В условиях кризиса идеи мультикультурализма и диалога культур рассматриваются возможные альтернативные модели межкультурного взаимодействия: концепции 'melting pot' и 'nice salad', а

---

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ в 2017 г.

Чистанов Марат Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: maratchistanov@gmail.com

Чистанова Светлана Сергеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: totyschewa@mail.ru

Маслова Татьяна – преподаватель, Университет Северной Джорджии (Далонег, Джорджия, США).

E-mail: Tatiana.Maslova@ung.edu

Кудряшов Иван Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гносеологии и истории философии, Новосибирский государственный университет.

E-mail: ioann1983@yandex.ru

также их недостатки и ограничения. Авторами выявлено, что считавшаяся устаревшей концепция географического детерминизма неожиданным образом оказывается актуальной для понимания механизмов межкультурного и межконфессионального взаимодействия в современных условиях.

Заключение. Авторы считают, что в условиях реализации трансконтинентальных проектов типа «Нового шелкового пути» место скомпрометировавшей себя модели мультикультурализма может занять китаецентристская модель межкультурного взаимодействия, оставляющая этническую составляющую культуры вне сферы внимания. Это в свою очередь приводит к потере интереса к этнической проблематике в социальных исследованиях, а это означает, что традиционная для европейской философской традиции связь гражданского согласия и благоденствия с построением диалога этнических культур рискует оказаться совершенно невостребованной в условиях вызовов XXI века.

Ключевые слова: мультикультурализм; постмультикультурализм; глобализация; этническая идентичность; культурная идентичность; межкультурное взаимодействие; географический детерминизм; культурный ландшафт; Новый Шелковый путь.

Постановка проблемы

Термин «межкультурная коммуникация» был введен американским антропологом Э. Холлом для обоснования новых стратегий поведения американских дипломатов в изменившихся международных условиях [10]. С возникновением неолиберализма границы применения термина максимально расширились и стали обозначать в целом возможность установления взаимопонимания между людьми различных рас, национальностей, конфессий, социальных групп и интеллектуальных традиций [2; 6; 14; 15].

Стоит отметить, что на первом этапе развития мультикультурализма в качестве субъекта коммуникации рассматриваются культуры и цивилизации (в форме национальных государств), а на втором этапе в качестве таких субъектов рассматриваются уже сами конкретные люди, которые в обычной жизни, чаще всего в результате добровольной или насильственной миграции, сталкиваются с проявлениями иного языка, поведения, хозяйственной деятельности. Именно такая трансформация проблемы стала предпосылкой последующего кризиса мультикультурализма: внутреннее неустранимое противоречие

между политическим устройством современного мира в форме национальных государств и индивидуальным характером межкультурной коммуникации в современном глобализирующемся мире. В современных условиях моноэтнические общности встречаются редко, поэтому право этнических групп на автономию в полной мере неосуществимо (это показывает опыт бывшей Югославии), а отрицание этого права ведет к дискриминации и ущемлению прав различных меньшинств. Указанное противоречие делает актуальным вопрос о построении альтернативных теоретических моделей межкультурного взаимодействия, которые, с одной стороны, были бы более совместимы с либеральной концепцией личной свободы, а с другой – позволили бы сохранить уникальность существующих этнических и конфессиональных общностей.

В практическом плане необходимость полного отказа или радикального переосмысления методологии мультикультурализма и диалога культур стала очевидной после трагедии 11 сентября 2001 года, когда группа радикальных исламистов атаковала ряд правительственных и общественных зданий в Нью-Йорке и Вашингтоне. Именно это событие

считается поворотным пунктом, изменившим отношение современного либерального общества и либеральной социальной науки. Это событие не повлекло немедленного сворачивания всех мультикультуралистских проектов, этого не происходит и сейчас, но социальные исследователи говорят о неактуальности мультикультурализма и необходимости разрабатывать новые теоретические модели социокультурного взаимодействия в глобализированном мире.

Так, Т. Модуд (Tariq Modood) из University of Bristol указывает, что первые признаки неактуальности мультикультурализма относятся еще к 1989 г., когда мусульмане Европы вышли на улицы, чтобы выразить негодование по поводу публикации «Сатанинских стихов» Салмана Рушди [25, р. 137]. Впрочем, по мнению авторитетного британского исследователя, никакой реальной альтернативы мультикультурализму у Запада все равно нет.

Канадский исследователь О. Флерас (Augie Fleras) из University of Waterloo говорит о том, что даже в сравнительно благополучной в плане межэтнических конфликтов Канаде политика мультикультурализма приводит скорее к разобщению этнических диаспор, нежели к их единению. Внутренняя напряженность в отношениях диаспор растет, и лишь излишняя политизированность проблемы мешает правительству признать фактический провал миграционной политики [21; 22].

В условиях глобализации сохранение этнических культур вовсе не гарантирует их равноправного существования, поскольку расовые, этнические, конфессиональные и иные виды угнетения настолько трансформируются, что теряют свою узнаваемую форму, считает У. Брэдли (William Bradley) из Ryukoku University. Он фиксирует такие странные формы дискриминации, как «расизм

без расизма» и «национализм без национализма» [19, р. 7–8]. В таких условиях этнический эссенциализм, характерный для мультикультуральной теории, оказывается не в состоянии отразить сущность современных конфликтов.

Видный российский исследователь А. Куропятник считает, что в современных условиях нужно и должно говорить о постмультикультуральном повороте в социальных науках, «который будучи сопряженным с социокультурным многообразием, предлагает национальному государству и его институтам переосмыслить себя в постмультикультуральной перспективе» [11, с. 146]. Для него постмультикультуралистская методология – уже свершившийся факт. Как и все прочие методологии с приставкой «пост-», этот подход является скорее переосмыслением, преобразованием и включением предшествующих подходов, в том числе и мультикультурализма, нежели их полным отрицанием.

Цель статьи – выявить слабые места моделей этнокультурной идентичности, основанных на методологии мультикультурализма и диалога культур, господствовавших в социальных исследованиях последние несколько десятилетий, и одновременно с этим проанализировать возможные теоретические и практические ограничения альтернативных моделей межкультурного взаимодействия, построенных на других онтологических принципах.

Методология

Методология исследования базируется на идеях нового постмультикультурного подхода к анализу взаимодействия культур, реализующего описательную, объяснительную и прогнозирующую функции социального знания на базе методологии системного, деятельностного и культурно-исторического подходов в совре-

менных условиях. Методическую базу исследования составляют методы феноменологического описания, интерпретации, сопоставления, проблемного и сравнительного анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей в сфере этнокультурной идентичности и межкультурного взаимодействия.

Результаты исследования

Презентация проекта «Один пояс – один путь» состоялась осенью 2013 г. в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Индонезию. Этот проект более известен как «Евразийский сухопутный мост, или Новый Шелковый путь». Это масштабный инфраструктурный проект, который свяжет страны Южной и Юго-Восточной Азии с Европой через сеть сухопутных транспортных коридоров. Очевидна заинтересованность Китая в реализации проекта: развитие Западного Китая, отсталого в экономическом отношении, и диверсификация торговых путей, независимость в торговле от политической ситуации в арабском мире и на постсоветском пространстве.

Можно утверждать, что речь идет не только о восстановлении древнего торгового пути, но и о строительстве сети новых маршрутов: “The authoritative Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road (National Development and Reform Commission – NDRC 2015), identifies five ‘roads’, ‘connecting the vibrant East Asia economic circle at one end and developed European economic circle at the other, and encompassing countries with huge potential for economic development’. Two of the five are land and sea routes connecting China and Europe: one through Central Asia and Russia; the other via the South China Sea and Indian Ocean. A third road connects China to the Middle East via Central Asia; while a fourth takes in China, Southeast Asia, South Asia and the Indian Ocean. The fifth

route branches out from China through the South China Sea and into the South Pacific. Then there are the six economic corridors: the Eurasian Land Bridge; China – Mongolia – Russia; China – Central Asia – West Asia; China – Indochina Peninsula; China – Pakistan; and Bangladesh – China – India – Myanmar” [20, p. 228]. («Уставные документы проекта определяют пять маршрутов, которые должны соединить развивающиеся рынки Восточной Азии, с одной стороны, и развитые рынки Европы, с другой, а также охватить страны с огромным потенциалом экономического развития. Два из этих маршрутов: сухопутный и морской пути, соединяющие Китай и Европу: один через Среднюю Азию и Россию; другой через Южно-Китайское море и Индийский океан. Третий путь соединяет Китай с Ближним Востоком через Среднюю Азию; в то время как четвертый объединяет Китай, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и бассейн Индийского океана. Пятый маршрут идет из Китая через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана. Фактически выделяется шесть экономических коридоров: Евразийский сухопутный мост (Китай – Европа); Китай – Монголия – Россия; Китай – Центральная Азия – Западная Азия; Китай – Индокитай; Китай – Пакистан; и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма» – *перевод авторов*).

Основным выгодоприобретателем является Китай, но аналогичные мотивы наверняка присутствуют у стран Западной Европы и Юго-Восточной Азии: экспортеры смогут выйти на новые для себя рынки, не вкладывая больших денег в создание инфраструктуры, а импортеры получают возможность ускорить доставку грузов, минуя процедуры погрузки и разгрузки в морских портах.

Рассмотрим положение и мотивы стран-транзитеров, в первую очередь России, Казахстана и стран Центральной Азии. Наряду с

транзитными пошлинами экономика указанных регионов получит конкурентов со стороны производителей из Восточной и Юго-Восточной Азии более дешевых и не менее качественных товаров. Но нас больше интересуют социальные и духовные последствия этого масштабного и неоднозначного начинания. Существует вероятность, что эти процессы будут глобальными, ведь речь идет о гигантском транснациональном и кросскультурном проекте, который напрямую свяжет регионы, до этого не имевшие близких контактов. Несомненно, это приведет к тесному взаимодействию народов и культур друг другу чужих, не имеющих опыта длительного соседства. Здесь и возникает потенциальная опасность межэтнических и межконфессиональных конфликтов, кризис самоидентификации людей, оказавшихся в фокусе кросскультурного взаимодействия.

Появление идеи «Один пояс – один путь» совпадает по времени со значительными трудностями в реализации принципа мультикультурализма, который появился в международной политике в середине XX в. и связан своим происхождением с развитием всей европейской философской и политической мысли.

Мультикультурализм подразумевает признание одинаковой ценности культур (в частном случае, этнических) и необходимости их сохранения и защиты, в том числе в полиэтническом сообществе, а также призывает к диалогу культур как признанию автономии различных культур и признанию их естественного права на самостоятельное развитие. Этот подход в свое время был безоговорочным достижением цивилизации, однако современное состояние этой методологии и практики вызывает серьезные опасения. Практические воплощения мультикультурализма в современном мире из здравой метатеории с очевидностью превратились в идеологические штампы

и манифестации, часто скрывающие как этнический и культурный сепаратизм, так и лицемерную политику двойных стандартов. Многочисленные нарушения принципов сосуществования различных культур даже в самых развитых и цивилизованных странах, международный терроризм, акты вандализма и ответные жестокие полицейские операции властей, множество личных трагедий простых людей каждый раз требуют от нас обратить внимание на проблему межкультурной коммуникации. Закрывать глаза на эту реальность и руководствоваться видимостью межэтнической и межконфессиональной идиллии может только очень наивный человек или ханжа.

Необходимость установления диалога культур впервые возникла в трудах европейских философов и социологов середины XIX – начала XX в. Концепция исторического прогресса, которая возникла в работах просветителей и впоследствии породила великие социально-исторические системы Г. Гегеля и К. Маркса, и утверждавшая поступательный ход мировой истории, на заре эпохи модерна оказалась сильно скомпрометированной. Эта концепция выглядела немодно на фоне всеобщего нигилизма и релятивизма исследователей. В основе новой методологии лежит идея культуры как органической целостности, уникальной комбинации множества факторов. Истоки подхода были заложены еще немецкими романтиками и противостояли примитивным представлениям о неизбежности общемирового прогресса.

Особенное звучание этот релятивизм приобретает в контексте окончания формирования европейской политической карты. Уже

в работах Н. Я. Данилевского¹ и О. Шпенглера² указывается на неприменимость одной меры для сравнения различных цивилизаций и культур. Разные культуры и цивилизации не только имеют различную природу, но даже не могут быть объектом оценки, поскольку каждая культура является безусловной ценностью сама для себя. Культурцентризм как методологический принцип потребовал указания на носитель, некоторый атом или самостоятельную единицу. Такой единицей была провозглашена нация как специфическая общность, истоки которой еще со времен В. Гумбольдта ищутся в языке³. Наряду с продекларированным правом наций на самоопределение, утверждением автономности культур и необходимостью понимания как особой познавательной процедуры для постижения сущности иной цивилизации, целью этой стратегии стал подрыв гегемонии старых колониальных империй (Испании, Англии и Франции) и выход новых политических сил (в первую очередь Германии и Италии) на политическую арену.

Нужно отметить, что первый этап развития мультикультурной доктрины привел к неоднозначным социальным последствиям: двум мировым войнам, а после их окончания – к краху мировой колониальной системы. Невозможность адекватной оценки последствий этих событий породила к новой волне споров о мультикультурализме и формулировке вопроса о межкультурной коммуникации в его современной форме.

Вместе с тем многочисленные инциденты с мигрантами в Европе, война на Ближнем Востоке и попытки сохранить видимость гражданского согласия в большинстве цивилизованных стран заставляют нас в очередной

раз задуматься о внутренних основаниях этнической культуры и глубинных причинах межэтнических конфликтов. На наш взгляд, проблема в том, что власти, поддерживая относительную стабильность в сфере отношений между разными этническими и религиозными группами, оказываются заложниками однобокого понимания самой сущности таких конфликтов. Расхожее представление о том, что в основе конфликтной ситуации лежит проявление экстремистских настроений отдельных личностей или социальных групп создает иллюзию того, что эту проблему можно решить, применяя жестокие полицейские меры или методы антитеррористических войсковых операций. Однако религиозный и этнический экстремизм – всего лишь верхушка айсберга, а увеличение количества актов жестокости и вандализма в межэтнических и межкультурных отношениях ясно указывает на системность проблемы.

Существует две теоретических модели, которые можно считать альтернативами мультикультурализму.

1. Концепция «плавильного котла» (melting pot) – наиболее давняя из ныне существующих, предполагает, что снятие межкультурных противоречий возможно через активное перемешивание культур, нивелирование расовых, этнических и конфессиональных различий. У В. Маяковского это называлось

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

² Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. – в 2-х кн. – М.: Академический проект, 2009. – 1424 с.

³ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.

«жить единым человеческим общежитием»⁴. Несмотря на некоторую архаичность, подход в явном или неявном виде продолжает применяться по всему миру. Самый наглядный результат применения этой модели в современных условиях: Соединенные Штаты Америки, для которых эта концепция в начале XX в. была предпочтительна. Первоначально речь шла лишь об ассимиляции вновь прибывших по усредненной англо-саксонской модели, в современных условиях можно говорить о процессе транскulturации: “It is proved by a theory of transculturation, formulated by Welsch (1999) which claims that modern cultures are in a big measure characterized by merging, permeation and hybridization. Therefore, exclusive cultures sink into oblivion” [24, p. 139]. («Это подтверждается теорией транскulturации В. Вельша (W. Welsch), который утверждает, что современные культуры находятся в большей мере в состоянии слияния, взаимопроникновения и гибридизации. Поэтому уникальные культуры – скорее прошлое, нежели настоящее» – перевод авторов).

В реальной жизни наряду с интеграционными процессами в обществе всегда присутствуют сепаратистские тенденции. Эти тренды и в обычных условиях способствуют дифференциации внутри единого культурного пространства, а в условиях взаимодействия различных культур могут привести к полной дезинтеграции социальной реальности. Так возникают этнические или религиозные гетто, анклав и прочие места компактного проживания различных меньшинств, в которых опасно появляться стороннему человеку [8; 12; 13; 16; 17].

2. Концепция «салатной чашки» (salad bowl) – более мягкий вариант межкультурного взаимодействия, в котором признается право на существование внутри большой социальной общности множества относительно автономных этнических, конфессиональных и иных сообществ. В этом случае взаимодействие социальных групп уподобляется взаимодействию продуктов в салатной чашке, где вкус всего блюда зависит от сочетания и совместимости всех ингредиентов. Гармония в обществе – результат взаимного сотрудничества и партнерства различных общин. Очевидно, что этот подход свободен от излишней прямолинейности предыдущего и действительно нацелен на достижение согласия через компромисс. В то же время и этот подход не может считаться универсальным, поскольку разработан с целью формирования оптимального соотношения этнических групп в ходе осознанно проводимой миграционной политики. На практике это оказывается возможным лишь в условиях массового целенаправленного заселения пустынных территорий, которых на данный момент на Земле не так много. Неудивительно, что модель получила популярность в Канаде и Австралии, где миграционные потоки регулируются властями. В условиях Европы или России такая продуманная политика заселения становится фикцией, поскольку здесь мы скорее сталкиваемся с последствиями массовых миграций, а не с реализацией некоторого плана: «...география миграционных связей не укладывается в простую схему, согласно которой интенсивность миграционных потоков и выбор страны иммиграции определяется ее социально-экономическими

⁴ Singer M. The Melting Pot: Symbolic Ritual or Total Social Fact? // Symbolizing America / Ed. Herve Verreene. Nebraska: University of Nebraska Press, 1986. – P. 97–118.

параметрами, существующей культурно-исторической (и/или этнолингвистической) общностью, а также удобством транспортного сообщения. Очень часто невозможно определить, что стало начальным толчком к формированию общин выходцев из той или иной страны (региона) мира. Иногда это действительно случайный (?) выбор группы иммигрантов, прослышавших о наличии где-то в Европе ранее не известной им «земли обетованной» [7, с. 83–84]. Поэтому вместо смешивания тщательно продуманных ингредиентов приходится сталкиваться с хаотичным нагромождением различных культур [1; 3; 9; 23; 26].

Как представляется, основным ограничением существующих моделей межкультурной коммуникации является слишком абстрактный, общий подход к культурам, являющимся субъектами взаимодействия. Необходимо отдавать себе отчет в том, что поле межкультурного взаимодействия всегда носит конкретный характер, поэтому выбор стратегии должен зависеть от условий формирования этого поля. Очевидно, что даже в первом приближении таких условий может быть выделено достаточно много.

– Американский вариант – заселение страны происходит почти одновременно различными этническими группами, коренное население большей частью физически уничтожено или ассимилировано. В связи с этим все этнические группировки находятся в относительно равном положении. Отказ от идеи нации как «плавильного котла» приводит к тому, что сосуществование крупных диаспор становится предметом некоторого неявного договора, где общие интересы государства объявляются преобладающими над частными интересами общин. Такая расстановка приоритетов позволяет поддерживать необходимую стабильность в обществе, по возможности не ущемляя интересов отдельных культур.

Некоторую проблему в рамках этой модели представляет инкорпорация в общество социальных групп, ранее занимавших подчиненное положение: афроамериканцев, индейцев, сохранивших традиционный уклад, латиноамериканцев. Эта проблема постепенно решается, хотя и не так быстро, как хотелось бы.

– Европейский вариант – сосуществование культур регулируется политическими границами, сложившимися в XIX–XX вв. (за исключением Балкан). Изменение ситуации связано с крушением мировой колониальной системы, когда жители колоний начинают переселяться на территорию бывших метрополий. Очевидно, что переселенцы занимают узкие социальные ниши, занимаясь тяжелым физическим трудом и иными малопrestiжными видами деятельности. Подобное разделение труда отражает объективные тенденции, но явно противоречит принципам равенства культур. Волна гражданского неповиновения последних лет, прокатившаяся по Европе, – это показатель того, что некоторая критическая точка в этом направлении уже пройдена.

– Российский вариант отчасти напоминает американский за тем исключением, что заселение Кавказа, Средней Азии и Сибири осуществлялось одной этнической группой (русскими), и при этом местный этнический субстрат оставался почти неизменным и даже пользовался определенной автономией. Объясняется это не столько высокой духовностью русского народа, сколько отсутствием достаточного человеческого ресурса для заселения столь обширных территорий. Подобная внутренняя практика характерна как для периода Российской империи, так и для Советской и постсоветской России [4; 5; 18]. Однако в постсоветский период на этот уже традиционный для России фон накладываются элементы европейской стратегии постколониализма, ко-

гда в Россию устремился сначала поток русских из бывших республик Советского Союза, а затем и гастарбайтеров, недавних наших соотечественников, бегущих от экономических и политических проблем своих независимых государств в бывшую метрополию.

Появление проекта «Нового Шелкового пути» сигнализирует нам о выходе на мировую арену четвертого – китайского – варианта. В китаецентристской модели этническая проблематика возможна лишь как проблематика обочины, окраины. Здесь китайцы действуют в традиционной для себя манере «слабого руководства варварами», демонстрируя прагматический подход к решению проблем межнационального и межкультурного взаимодействия. Строго говоря, сама идея этнического эссенциализма (в любой из его форм) китайцам довольно чужда. Собственно китайская идентичность даже не над-этнична, а вне-этнична и связана с географическими, центристскими понятиями. В то же время китайцы снисходительны к проявлениям этнического самосознания у представителей национальных меньшинств при условии сохранения лояльности по отношению к ханьскому гегемону [27]. Трудно ожидать, что в случае реализации

трансконтинентального проекта отношение Китая к партнерам будет принципиально отличаться от тысячелетнего архетипа. Символизируя возвращение Поднебесной на позиции если не мирового, то континентального лидера, «Новый Шелковый путь» одновременно указывает на переход от философии индивидуального человеческого духа к философии культурного ландшафта, от внутреннего пространства – к внешнему пространству.

Заключение

Авторы считают, что в условиях реализации трансконтинентальных проектов типа «Нового шелкового пути» место скомпрометировавшей себя модели мультикультурализма может занять китаецентристская модель межкультурного взаимодействия, оставляющая этническую составляющую культуры вне сферы внимания. Это в свою очередь приведет к потере интереса к этнической проблематике в социальных исследованиях. А значит характерная для европейской философской традиции связь гражданского согласия и благоденствия с построением диалога этнических культур рискует оказаться совершенно неостребованной в условиях вызовов XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аксютин Ю. М., Тышта Е. В.** Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1-2. – С. 16–20.
2. **Ананьева Е. П.** Виды и формы функционирования мультикультурализма // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 7–14.
3. **Бельская Ю. В.** Экономический человек в либеральном и неолиберальном направлениях экономической теории // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 4 (179). – С. 244–249.
4. **Борисова М. В.** Город и проблема культурного многообразия: от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник российской нации. – 2013. – Т. 6, № 6 (32). – С. 119–129.
5. **Борисова М. В.** Теория и практики интеркультурализма в современном мире // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2 (44). – С. 367–374.

6. **Головко Н. В.** Неолиберальная концепция науки и эпистемическая модернизация // Сибирский философский журнал. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 24–29.
7. **Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В.** Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 75–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5>.
8. **Излученко Т. В.** Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 19. – С. 165–176.
9. **Крестьянова Л. С.** Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 815–825. DOI: <http://dx.doi.org/10.17059/2016-3-17>
10. **Куропятник А. И.** Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III, № 2. – С. 53–66.
11. **Куропятник А. И., Куропятник М. С.** Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 145–156. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156>
12. **Лялина А. В.** Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. – 2014. – № 2 (20). – С. 128–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-8>
13. **Олейник В. И.** «Вертикальная» и «горизонтальная» исламизация Западной Европы в контексте миграционного кризиса // Власть. – 2016. – № 5. – С. 181–184.
14. **Федюнина С. М.** Толерантность в поликультурном обществе XXI века: миф или возможность сохранения цивилизации? // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 2 (47). – С. 102–109.
15. **Хамидулин В. С.** Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее общество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (35). – С. 49–60.
16. **Черняк А. В.** Политика мультикультурализма в Европе – опыт для России // PolitBook. – 2015. – № 2. – С. 133–148.
17. **Altweck L., Marshall T. C.** When You Have Lived in a Different Culture, Does Returning ‘Home’ Not Feel Like Home? Predictors of Psychological Readjustment to the Heritage Culture // PLOS ONE. – 2015. – № 10 (5). – P. e0124393. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0124393>
18. **Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M.** Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. – 2017. – Vol. 30. – P. 141–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>
19. **Bradley W.** Multiculturalism Beyond Culture: Notes On Leaving Race Behind. // Working Paper Series Studies on Multicultural Societies. – 2014. – № 29. – P. 1–18. URL: <http://afrasia.ryukoku.ac.jp/phase2/english/publication/index.html>
20. **Dellios R.** Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension // Asia and the Pacific Policy Studies. – 2017. – Vol. 4, № 2. – P. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/app5.172>
21. **Fleras A.** Moving positively beyond multiculturalism: Toward a post-multicultural governance of complex diversities in a diversifying Canada // Zeitschrift für Kanada-Studien / Ed. K. Sarkowsky, M. Thunert, D. G. Eibl. – 2015. – Vol. 35, Part 64. – P. 63–89. URL: <https://www.wissner.com/verlagsprogramm/sach-und-fachbuecher/kanadistik/zeitschrift-fuer-kanadastudien/zeitschrift-fur-kanada-studien-11-detail>

22. **Fleras A.** Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration // *Global Media Journal*. – 2015. – Vol. 8, № 2. – P. 25–47. URL: http://www.gmj.uottawa.ca/1502/v8i2_fleras.pdf
23. **Houston S. D., Morse Ch.** The Ordinary and Extraordinary: Producing Migrant Inclusion and Exclusion in US Sanctuary Movements // *Studies in Social Justice*. – 2017. – Vol. 11, № 1. – P. 27–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.26522/ssj.v11i1.1081>
24. **Kulwicka-Kamińska J.** Culture as a distinctive feature of an ethnic group (based on the example of translated handwritten literature of Polish-Lithuanian Tatar) // *Journal of Language and Cultural Education*. – 2016. – Vol. 4 (2). – P. 138–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/jolace-2016-0021>
25. **Modood T.** Part three. The fault lines of multiculturalism: A rejoinder // *Critical Social Policy*. – 2014. – Vol. 34, Issue 1. – P. 135–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0261018313501828>
26. **Safronov S.** Russian population ethnic structure: trends and transformations // *Baltic region*. – 2015. – № 3 (25). – P. 106–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>
27. **Yang X.-l., Liu L., Shi Y.-y., Li Y.-s., Tan X., Hu X.-m., Sun X.-m.** The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology // *PLOS ONE*. – 2015. – Vol. 10 (11). – P. e0141875. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0141875>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.10)

Marat Nikolaevich Chistanov, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Khakass State University, Abakan, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

E-mail: maratchistanov@gmail.com

Svetlana Sergeevna Chistanova, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of foreign languages and language teaching methods, Khakass State University, Abakan, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1347-7302>

E-mail: totyschewa@mail.ru

Tatiana Maslova, Lecturer, University of North Georgia, Dahlonega, Georgia, United State of America.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0784-4906>

E-mail: Tatiana.Maslova@ung.edu

Ivan Sergeevich Kudryashov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Gnoseology and History of Philosophy, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8491-7104>

E-mail: ioann1983@yandex.ru

Problem of developing new theoretical models of cross-cultural interaction in the context of implementation of *The new silk road* initiative

Abstract

Introduction. *The authors identify difficulties in implementation of multiculturalism policy and reveal weak points in ethnic-cultural identity models dominating in social researches over the last several decades but along with it possible theoretical restrictions of the alternative models of cross-cultural interaction constructed on other ontological principles.*

Materials and Methods. *The research is based on the ideas of new post-multicultural approach to the analysis of the interaction of cultures realizing descriptive, explanatory and predictive functions of social knowledge on the basis of methodology of systemic, activity and cultural- historical approaches in modern conditions. The methodical base of the research consists in methods of phenomenological description, interpretation, comparison, and comparative analysis of works by Russian and Foreign researchers in the sphere of ethnic-cultural identity and interactions.*

Results. *The authors analyze evolution of ideas of ethnic identity nature and ways of settling inter-ethnic and inter-confessional conflicts. In the conditions of crisis of the idea of multiculturalism it is possible to consider the alternative models of cross-cultural interaction: concepts of 'melting pot' and 'salad bowl', and also their shortcomings and restrictions. The authors reveal that the concept of geographical determinism, which has been considered as outdate, unexpectedly becomes relevant for understanding the mechanisms of cross-cultural and interfaith interaction in modern conditions.*

Conclusions. *The authors emphasize that within the context of implementation of such transcontinental initiatives as "The New Silk road" the China-centrist model of cross-cultural*

interaction could take the place of the multiculturalism model which has compromised itself. This new model leaves an ethnic component of culture out of the sphere of its attention. In conditions of changing paradigms of cross-cultural interaction, dependence of civil harmony and wellbeing on creation of dialogue of ethnic cultures, which is traditional for European philosophy, risks to become absolutely unclaimed.

Keywords

Multiculturalism; Post-multiculturalism; Globalization; Ethnic identity; Cultural identity; Cross-cultural interaction; Geographical determinism; Cultural landscape; New Silk Road.

Acknowledgements

The reported study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under Russian Academic Excellence Project 5-100 (Novosibirsk State University, Center for Analysis of Integration Processes in Contemporary Eurasia)

REFERENCES

1. Aksyutin Y. M., Tyshta E. V. Transformations of Supra-Ethnic Identity under Conditions of Russian Federalism Formation: Regional Aspect. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 1-2, pp. 16–20. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20796673>
2. Anan'eva E. P. Types and Forms of Functioning of Multiculturalism. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 7–14. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27673768>
3. Belskaya Yu. V. Economic Man in the Liberal and Neo-Liberal Economic Theory. *Bulletin of Orenburg State University*, 2015, no. 4, pp. 244–249. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24097629>
4. Borisova M. V. City and problem of cultural diversity: from multiculturalism to inter-culturalism. *Bulletin of Russian Nation*, 2013, vol. 6, no. 6, pp. 119–129. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20900836>
5. Borisova M. V. Theory and Practice of Interculturalism in the Modern World. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2014, no. 2, pp. 367–374. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22591906>
6. Golovko N. V. Neoliberal Conception of Science and Epistemic Modernization. *Siberian Journal of Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, pp. 24–29. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19120025>
7. Zhitin D., Krasnov A., Shendrik A. Geography of European Migration. *Baltic Region*, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 75–92. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26683139>
8. Izluchenko T. V. Use of Methods of Symbolic Anthropology in the Study of Islamic Extremism. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 165–176. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28147660>
9. Krestyanova L. S. Interethnic Relationships and Migration Process at the Regional Level: Problems and Main Trends of Development. *Economy of Region*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 815–825. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17059/2016-3-17> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26570501>

10. Kuropjatnik A. Multiculturalism: Ideology and Politics of the Social Stability in the Polyethnic Societies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. III, no. 2, pp. 53–66. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17231937>
11. Kuropjatnik A. I., Kuropjatnik M. S. Postmulticulturalism: Some approaches to the study of contemporary social and cultural processes. *RUDN Journal of Sociology*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 145–156. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28998072>
12. Lyalina A. Supranational Policy of Migrant Integration in the EU. *Baltic Region*, 2014, no. 2, pp. 128–145. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-8> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21617568>
13. Oleinik V. I. The Vertical and Horizontal Islamization of Western Europe in the Context of Migration Crisis. *Vlast' (The Authority)*, 2016, no. 5, pp. 181–184. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26113892>
14. Fedyunina S. M. Tolerance in a Multicultural Society of the XXI Century: Myth or Condition for the Survival of Civilization?. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2015, no. 2, pp. 102–109. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23273555>
15. Khamidulin V. S. Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. *Humanities Research in the Russian Far East*, 2016, no. 1, pp. 49–60. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25817352>
16. Chernyak A. Policy of Multiculturalism European Experience for Russia. *PolitBook*, 2015, no. 2, pp. 133–148. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23828292>
17. Altweck L., Marshall T. C. When You Have Lived in a Different Culture, Does Returning ‘Home’ Not Feel Like Home? Predictors of Psychological Readjustment to the Heritage Culture. *PLOS ONE*, 2015, no. 10 (5), pp. e0124393. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0124393>
18. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. *Revista de Humanidades*, 2017, vol. 30, pp. 141–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>
19. Bradley W. Multiculturalism Beyond Culture: Notes On Leaving Race Behind. *Working Paper Series Studies on Multicultural Societies*, 2014, no. 29, pp. 1–18. URL: <http://afrasia.ryukoku.ac.jp/phase2/english/publication/index.html>
20. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/app5.172>
21. Fleras A. Moving positively beyond multiculturalism: Toward a post-multicultural governance of complex diversities in a diversifying Canada. *Zeitschrift für Kanada-Studien*. Eds K. Sarkowsky, M. Thunert, D. G. Eibl. 2015, vol. 35, part 64, pp. 63–89. URL: <https://www.wissner.com/verlagsprogramm/sach-und-fachbuecher/kanadistik/zeitschrift-fuer-kanadastudien/zeitschrift-fur-kanada-studien-11-detail>
22. Fleras A. Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration. *Global Media Journal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 25–47. URL: http://www.gmj.uottawa.ca/1502/v8i2_fleras.pdf
23. Houston S. D., Morse Ch. The Ordinary and Extraordinary: Producing Migrant Inclusion and Exclusion in US Sanctuary Movements. *Studies in Social Justice*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 27–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.26522/ssj.v11i1.1081>
24. Kulwicka-Kamińska J. Culture as a distinctive feature of an ethnic group (based on the example of translated handwritten literature of Polish-Lithuanian Tatar). *Journal of Language and Cultural Education*, 2016, vol. 4 (2), pp. 138–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/jolace-2016-0021>

25. Modood T. Part three. The fault lines of multiculturalism: A rejoinder. *Critical Social Policy*, 2014, no. 34, issue 1, pp. 135–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0261018313501828>
26. Safronov S. Russian population ethnic structure: trends and transformations. *Baltic Region*, 2015, no. 3 (25), pp. 106–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>
27. Yang X.-l., Liu L., Shi Y.-y., Li Y.-s., Tan X., Hu X.-m., Sun X.-m. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology. *PLOS ONE*, 2015, vol. 10 (11), pp. e0141875. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0141875>

Submitted: 18 November 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).